

УПОВАНИЕ НА ЧУДО

О чём печалился писатель Валентин Распутин

Несмотря на душевные хвори, нравственную изломанность и грешное унынье, даже избранные в молодом русском поколении помнят духовной и родовой памятью мрачные позимки, когда антихристово племя, вспоенное и вскормленное с окровавленного ножа князя тьмы, возбужденное богоборческой хмелью и русоненавистью, на кровавой заре двадцатого века захватило державу российскую. Для сего мастера и маргариты столкнули лбами русские сословия: озлобленно голодное простонародье против взбесившихся с жиру, белоперчатных любодеев и чревоугодников; для сего мастера и маргариты искусили посулами плотских языческих свобод вначале шаткое разночинство, потом скудоверных пролетариев, а уж как баня кровавая раскалилась, то крепких в вере и побилло руками единокровцев. Соблазнённые, сильные задним умом, схватились за нечёсанные, вшивые головы, узрев, что под нарядной ветошью отсуленного «земного рая» обнажилась горящая бездна ада, но было уже поздно, – на них, без православных поводырей обращенных в напуганное, растерянное овечье стадо, накинули удавки и ввергли в такую кабалу, перед которой смеркло монголо-татарское иго, не говоря уж о помещицьем.

Пролетел над страной кровавый смерч братоубийственной брани, пали рядом русские братья, красные и белые; утихомирилась страна, зажила мирным трудом без богатых и нищих, но... супостаты, вечные враги Святой Руси сроду

не давали народу русскому пожить в благочестивом покое, – грянула Великая Отечественная война, когда ...воистину, нет худа, без добра... народ вспомнил и вновь возлюбил светочей Земли Русской, подобных крестьянскому сыну, казачьему атаману, святому иноку Илие Муромцу, подобных святым и благоверным князьям Димитрию Донскому и Александру Невскому, подобных царю Ивану Грозному, мечом и топором собравшего земли русские в Царство Русское. Завершилась священная война и народ, вновь воспрявший творческим духом, возрождал Российскую империю из крови и праха, с язвительными байками переживая хрущёвскую «оттепель», благоденствуя в брежневское затишье, но... хриstopродавцы не дремали: исподволь нанесло с запада пепельные тучи, и вновь зловещая тень русофобского лихолетья нависла над Отечеством.

Приступали роковые девяностые годы двадцатого века... И мы воочию увидели, как верные соратники ленинских комиссаров, с подозрительной настойчивостью величающие себя «демократами», через подвластную блудливую прессу вновь разжили тлеющий русофобский террор против духовных и национально-культурных сил русского народа, какие силы-то можно было назвать с великой натяжкой, ибо выживали и вновь вызревали лишь малые островки русской народности в послевоенных поколениях.

Мрачным образцом русофобского террора стала площадно-бранная, злорадно-методичная травля писателей Василия Белова, Валентина Распутина, Владимира Личутина, чьи избранные произведения полноправно повеличены шедеврами русской литературы, явлениями мирового искусства. Зверским обликом травля напомнила «культурную революцию» начала прошлого века, когда распявшие Христа и примкнувшие к ним, обезбоженные россияне свирепо травили Есенина, Клюева, Васильева и других крестьянских поэтов.

Пока завербованные Мировой Сатанократией, наёмники в российской власти с помощью купленных жюльнаристов, порочили писателей, я думал: не заслонить солнце рукавицей, не испугать молодца небылицей; но... ближе к закату века доморощенная русофобия помудрела мудростью змея-искусителя, и, вроде бы, утихомирлась: мол, какого лешего впустую глотку драть, задарма писателям скандальную славу раздувать!? не мудрее ли искусить гордыней, сребролюбием, честолюбием, а ежели силён духом, на долгие годы ...а может, навечно... замолчать, чтобы произведения и писательские имена не укоренились в памяти нынешних поколений, возвращенных духом и разумом в «голубом порочном ящике», куда русских писателей не подпускали на пушечный выстрел, да они и не рвались в совет нечестивых.

Хотя поначалу разгорелась травля, и в сем поношении более досталось Валентину Распутину, ибо непосильно было замолчать, – гневный, публицистический голос советского писателя звучал во всем мире, имя писателя

читил весь свет – Герой социалистического труда, награждённый многими советскими орденами и медалями, дважды лауреат Государственной премии СССР, лауреат сотни престижных всероссийских, всесоюзных, международных премий, переведенный на все книжные языки мира, к сему некогда и приближенный к верховной советской власти, введенный в общественно-политический совет Михаила Горбачёва, генерального секретаря компартии Советского Союза, недолго, словно с утра до вечера, походивший в облачении президента Империи.

Поношение началось, увы, не в девяносто первом, – в злочастном году бесноватых корежило мятежное «Слово к народу», подписанное Распутиным; нет, поношение вспыхнуло ещё в пору, когда писатель, сбавив высокохудожественный обличительный пыл, в былые годы восторженно принятый Западом, в публицистике и принародном вечевом слове, не хороня простолюдье русское, погрязшее в грехах и немочах, вдруг прямо и откровенно заговорил и о духовном, национальном, творческом величии простого русского народа, и царского, и советского, – величии, кое исподволь и откровенно осмеивалось мировой образованщиной. Пока писатель говорил о духовном оскудении некогда богоносного русского народа, повинного в своей национальной трагедии, переворотчики России ещё готовы были, скрепя сердце, так-сяк поддерживать Распутина. Хотя и в обличительную пору писатель, не возгордившись, не воскресив над простолудьем, сознавая себя крестьянским сыном, не услаждался созерцанием, описанием, осмеянием народных грехов и немочей, но писал о народе с опечаленной любовью и сердечной болью. Душа болит: что же с нами происходит?! – вторил писатель Василию Шукшину. Но ждали от Распутина большего: чтобы начертал на родном народе чёрный крест, напрочь стирающий его небесное былое и неисповедимое будущее, а тогда, глядишь, и Нобелевская премия не за горами. Впрочем, могли бы посулить, а потом... в кусты, ищи, свищи ветра в поле, бесы, они бесы и есть. Но вместо ожидаемого чёрного креста писатель неожиданно стал утверждать, что народу русскому, несмотря на грехопадение, есть чем гордиться перед миром, и что, обернувшись лицом к духовно-православному былому, народ ещё может исцелиться и, яко христорадной свечкой, вновь светить миру, заблудшего впотьмах. И тут окаянные всполошились, спустили на писателя «всех собак» – новоявленную прессу, готовую обляять всё, «где русский дух, где Русью пахнет». Словно угарный чад и смрад горячей загородной свалки, заволкла Русь ядовитая пресса, о которой воистину рече Господь: «Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит своё, ибо он лжец и отец лжи» (Ин.8:4).

«Ключ ко всем современным интригам лежит во всемирном заговоре против России, предрекающем ей страшную будущность», – писал Фёдор Достоевский, а русский мыслитель Иван Ильин уточнял: «Европейцам нужна

ДУРНАЯ Россия: ВАРВАРСКАЯ, чтобы «цивилизовать» её по-своему; УГРОЖАЮЩАЯ СВОИМИ РАЗМЕРАМИ, чтобы её можно было расчленить, ЗАВОЕВАТЕЛЬНАЯ, чтобы организовать коалицию против неё; РЕАКЦИОННАЯ, РЕЛИГИОЗНО-РАЗЛАГАЮЩАЯ, чтобы вломиться в неё с пропагандой реформации или католицизма; ХОЗЯЙСТВЕННО-НЕСОСТОЯТЕЛЬНАЯ, чтобы претендовать на её «неиспользованные» пространства, на её сырьё или, по крайней мере, на выгодные торговые договоры и концессии».

Враги России – чужеземные и доморощенные, мастера социально-политических потрясений, революций, отечественных и гражданские войны, – в пламенных речах лишь для отвода глаз толковали о народном счастье, ибо имели лишь одну затаенную мистическую цель: расшатать и сокрушить державу, как земное Изножье Престола Господня.

В очерке «Плач о литературе» я писал, и ныне напомним о том, что «трагедия перестроечной России была даже не в том, что искушенные чужеземным Западом, доморощенные воры и душегубцы державу в одночасье ограбили до нитки, и российский народ проснулся нищим и обездоленным; великая трагедия России в том, что **окаянная власть ...воистину, наёмники Мировой Сатанократии...** два десятилетия с дьявольским упорством, с дьявольской методичностью трудилась над изменением русского характера.

Российские зрелищные искусства, подобные бесовским пляскам на русских жальниках, даже несмотря на сопротивление Русской Православной Церкви, выбивали из русского характера исконные начала: любовь к Вышнему и ближнему, к роду и родному народу, к Отечеству, братчинность, общинность, совесть, обострённое чувство справедливого мироустройства. Высокие и спасительные для народа и Отечества духовно-нравственные начала стали вытесняться индивидуализмом, корыстолюбием, честолюбием, животными инстинктами. Чего ради сие творилось? Историческая случайность, или некий политический, а вернее, мистический замысел о России? Ответ простой... Вот ставшая хрестоматийной, набившая оскомину, цитата из политического наставления идеолога Мировой Сатанократии, ненавидящей русский народ: «Разрушим их хваленую духовность, и Россия рассыплется сама». В прошлые века, когда не было в помине глобальных средств массовой информации, высокие этические начала жили в народе неколебимо, и лишь в придворных и притворных российских сословиях под влиянием западноевропейской культуры происходили ментальные изменения, утрата национального характера. **Но в годы перестройки с её агрессивной и всеохватной дьявольской пропагандой национальным беспамятством, эгоцентрическим индивидуализмом заразилось даже русское простолюдые, и народ стал утрачивать исконно высокий духовно-нравственный образ».**

* * *

Валентин Распутин напоминал, что вновь над Матушкой-Россией нависла зловеще-чёрным вороньим крылом тень двадцатых годов: «Россия уходит у нас из-под ног... Отечество в действительности в опасности. Мы можем завтра проснуться в своих собственных постелях, но уже не в России»; но если в мрачную большевистскую годину убивалось само тело русского народа – душу в одночасье не сразишь, – то с крушение народной империи испепелялась душа народная. Она, русская душа, губилась и в прошлые полвека, отчего наше всеобщее грехопадение дошло до могильного края, но если в годы советской государственности нравственные начала жили в народе, отчего и явилось миру талантливое народное искусство, то в годы демократического цинизма духовность и нравственность сгнули в смраде чужебной «массовой культуры» и остервенелой торгашеской суеты. Даже для красного словца, кое не сходило с уст партийно-советских вождей, понятия духовности и нравственности стали непригодны.

Писатель указывал – и это не нравилось очередным властным наёмникам, – что мы по наивности своей, по русской доверчивости возрадовались, было, что демократическая власть, вроде уже не страдая богоборчеством, лояльна к Православной Церкви – как, впрочем, приветна и ко всем вероисповеданиям, вплоть до зловещих сект, – и что Церковь духовно, нравственно исцелит живущие и грядущие поколения русских людей. Но и тут нас поджидало горькое разочарование – новая демократическая власть оказалась более богоборческой, нежели прежняя коммунистическая, и ещё более коварно изошрённой, поскольку с её гласного и негласного дозволения воцарилась бесовская «массовая культура», насаждающая жестокие, низменные пороки, отчего влияние Православной Церкви на молодёжь свелось до капли чистой воды в грязном потоке искусительной отравы. Мало того, «массовая культура» стала похожа барахолку, где рядом с «порнухой и чернухой» торговали самодельными иконами и нательными крестами, где зарабатывали на первом, ещё внешнем интересе народа к святоотеческому, церковному, одновременно унижая и оскорбляя святоотеческое церковное, приравнивая иконы и кресты к жестоковыйным картинкам. Если в музеях снижали иконы до светской живописи, то в «массовой культуре», икону спихнули в гноилище, где, воспетые, красовались изображения людских пороков. А народишко ...а русские особо... слаб, и без карающей, милующей отеческой руки, без кнута и пряника ему не выжить. Отчего и ничем не вытравимая народная любовь к отцу народов Иосифу Сталину. А коль

сатанинский натиск на православное христианство творился и творится с ведома и дозволения нынешних демократических властей, то чем же они, демократы, отличаются от ленинских богоборцев?.. Разве что изуверским лицемерием, тем, что на великие христианские праздники властители взяли моду со свечой в церкви стоять, православных иерархов обнимать, целовать?! Однажды ...а выпало лихое времечко – выборы президента России... Валентин Распутин на встрече с избирателями неожиданно заявил: «Вы думаете у Ельцина нет совести?! Глубоко ошибаетесь...» Народ замер: неужли Валентин Григорьевич, сурово обличая разрушительную власть, смирился со злом?.. Писатель пояснил: «Вы видели, Ельцин в храме держит свечку в правой руке... А почему?.. А чтобы не креститься, не божится – совестно, поскольку это стало бы вершиной цинизма...»

Вот о чём печалился русский художник Валентин Распутин на трагическом переломе веков. И в этом – нам теперь понятно – была его не прощаемая вина перед наёмниками, царящими в Кремле. Но ...утверждал писатель... отчаянье, усталъ, грешное унынье, равнодушие к своей судьбе и судьбе России ещё не означают, что народ русский духовно умер, и уже не сыщешь среди народа героев, подобных святорусскому богатырю, преподобному чудотворцу Илие Муромцу, в ком ещё не выстыла любовь к Руси, святой и православной, кто ещё может постоять за веру и Отечество, положив на алтарь русской судьбы свою жертвенную судьбу.

* * *

Всякому русскому ...да и российскому иноверцу... неистраченному подлой политикой, было ясно, как Божий день: «Слово к народу», подписанное и Валентином Распутиным, не таило цель – насильственное свержение власти в стране. Хотя... может быть... и эдакая цель, достигнутая, могла бы стать спасительной для России в те роковые годы. Цель «Слова...» – духовное сплочение всех благоразумных патриотических сил для духовного же и хозяйственного возрождения России. «Наше движение, – сказано в «Слове...», – для тех, кому чужд разрушительный зуд, кто горит желанием созидать, обустроить наш общий дом, чтобы жили в нём дружно, уютно, счастливо каждый народ, большой и малый, каждый человек, и стар и млад». Разве в этом призыве таится хотя бы намёк на призыв к государственному перевороту?! А то, что в числе подписавших оказалось два будущих по тому времени «мятежника», и что «Слово...» оказалось созвучно обращению к народу Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП), означало лишь то, что последние советские государственники, замахнувшись на фармазонов, сдающих

Россию Мировой Хазарии, надеялись спасти Отечество у гибельного края. Жаль, что «спасение» выплеснулось в позорный фарс.

Борзые сочинители статей, где с бесовской усмешкой, издевательски поносились имя и творчество Валентина Распутина, словно окаянными кулаком, потрясали авторитетом русского писателя Виктора Астафьева, и наш сибирский земляк, при всей сложности, противоречивости тогдашних взглядов на происходящее в России, всё же пытался уговорить бешенных псов, лающих из «голубого ящика», рыкающих с газетных гранок.

Русский цвет, чьи очи не замутились в сладостном угаре честолюбия, сребролюбия, гордыни, ясно видел: идеологический террор, исходящий от тогдашней либерально-демократической власти, обрушился вовсе и не против Валентина Распутина, как отдельного писателя и публициста, то грянул «последний и решительный бой» против русскости народа русского.

Нет победителей и нет побеждённых, духовная брань не утихла; и кто одолеет на поле сражения – русские или распявшие Христа, – Бог вест, но в русских националистах ...в смысле, любящих родную русскую нацию... жила неистребимая надежда на чудо: как и в былые потрясения, так и нынешние, Россия с Божьей помощью воспрянет из пепла, словно сосновый бор выросший на былой гари. Вот и жили в ожидании чуда.

* * *

Младое русское племя неведомо о чем печётся, о чем печалится, а пожилое русское простолудье уповает на чудо: вдруг, усыпив бдительность супостатов, царящих на Руси, Божиим промыслом русскую власть обретёт русский по духу; и подобно отцу народа – бессребренный и аскетичный – положит судьбу на плаху народной судьбы; и – милостивый к братьям и сёстрам во Христе, жестокий к врагам веры Христовой и народа святорусского, – грозной, но праведной дланью наведёт железный порядок в стране, погрязшей в торгашеской суеде и мошенничестве. С надеждой на отца народа, Помазанника Отца Небесного и выживает простолудье, а то и просвета в ночи не зрело душевными очами; под звериное рыканье кремлевского самозванца, самохвала полтора десятилетия холопы тьмы и смерти похабили и грабили Россию, уже, вроде, лежащую на смертном одре под святыми ликами; хитили воры российское добро, что отичи и дедичи кровью и потом добывали, и для содомской утехы и потехи изгалялись, нетопыри, над русским словом, древним обычаем и отеческим обрядом, чтобы народ и голодом-холодом уморить, и душу народную вынуть и сгноить. О ту

злосчастную, лихую пору смешно и грешно было бы стучаться в кремлёвские ворота с народными бедами; се походило бы на то, как мужики из оккупированной смоленщины и белгородчины пишут челобитную германскому наместнику, лепят в глаза правду-матку и просом просят заступиться: мол, наше житье – вставши и за вытье, босота-нагота, стужа и нужда; псари твои денно и ношно батогамы бьют, плакать не дают; а и душу вынают: веру хулят, святое порочат, обычай бесчестят, ибо восхотели, чтобы всякий дом – то содом, всякий двор – то гомор, всякая улица – блудница; эдакое горе мыкаем, а посему ты уж, батюшка-свет, укроти лихоимцев да заступись за нас, грешных, не дай сгинуть в голоде-холоде, без поста и креста, без Бога и царя... Повеселила бы мужичья челобитная чужеверного правителя, сжалился бы над оскудевшим народишком, как пожалел волк кобылу, оставил хвост да гриву...

Но чудится ...надо перекреститься... миновало злолетье, и доверчивый российский простолюдин зажил благими надеждами; чудится бедолажному: вроде, светает в родимом краю, тает гиблый сумрак, стихают в кремлевской ограде содомские вопли и разбойные крики, и слышится, еще глуховато, мало внятно, русское слово. Хотя, может, все лишь чудится, но так уж русские люди обманываться рады, чудные и чудные, вечно чуда ждущие.

Анатолий Байборodin